

Здравствуйте!

Матвея Ганапольского опять изгнали с ОРТ

Ганапольский — известный генератор телеидей. Правда, живут они недолго.

После закрытия «Детектив-шоу» ведущий решил снимать кино

награды. Но те же академики, которые являются руководителями различных телеканалов, на свои каналы передачу не берут. Такая, видно, не очень удачная у меня телевизионная планета. Проекты возникают яркие, но идут недолго.

О причинах, по которым передача была изгнана с ОРТ, Ганапольский вежливо умалчивает. К творческой стороне дела претензий ни у кого вроде бы нет, и разговор о внешности каких-либо изменений ни разу не возникал. Так что мотивы могут быть самыми разными: от финансовых разногласий до недовольства личностью ведущего (однажды созданный Ганапольским «Бомонд» уже попросили удалиться с ОРТ).

Пока Анатолий Малкин, руководитель телекомпании

АТВ, которая и производит программу, ломает голову, что делать с «Детектив-шоу», ведущий решил сменить ориентацию и переметнулся в кино. Скоро Ганапольский (кстати, режиссер по образованию) приступит к съемкам кинокомедии под рабочим названием «С точки зрения ангела», которую обещает отнять и показать аккурат к Новому году. И только потом, после небольшого отпуска, в котором он не был уже два года, вернется на ТВ, чтобы вплотную заняться новой развлекательно-образовательной программой. Рассказать о ее содержании Ганапольский категорически отказался, сославшись на простую, но уважительную причину: воруют.

Илья ОГНЕВ.
Фото Анатолия ЖДАНОВА.

◆ БРЮЗГА НЕДЕЛИ

Петр Фадеев, ты не прав!

Повод для этой брюзжалки может показаться не совсем обычным, но все же позволю себе высказаться. Появилась на нашем телевидении новая программа — «ПЕРСПЕКТИВА», творение, прямо скажем, более чем скромное. С таким размахом творческой фантазии, не то что взлететь, но и с шестом прыгать сложновато будет. И, не побоюсь сделать прогноз, скорости прикроют программу из-за недостатка рейтинга. Потому что... тут следовало бы подбавить пару примерчиков творящегося в кадре крестинистического беспредела, ну да ладно, если есть в России люди, которые хоть раз досмотрели это увлекательнейшее зрелище до конца, они поймут, о чем я.

А теперь о главном. Давно замечено, что если режиссер после спектакля выходит к публике и начинает ей втолковывать, что показанное по меньшей мере гениально, то спектакль — полная туфта. Вот и в прошлом выпуске «Здравствуйте!» Петр Фадеев разглагольствовал о достоинствах своего нового детища. Особенно поразил перл про то, как, по мнению Петеньки, его программу любят в «каком-нибудь Магнитогорске». Серый город, вокруг сплошное бухало и помойки. Единственная отрада жителей — это Петечка, который уводит их в таинственный и загадочный мир звезд. Под конец Петр скромно заявляет: тысячи людей хотели бы попасть на мое место. Простите, в каком-нибудь Магнитогорске, занимающем, между прочим, 18-е место в мире среди сталелитейных компаний и чья хоккейная команда не один раз драла задницу москвичам, есть развлечения и поинтереснее, чем пялиться в телевизор на дешевку вроде Тресни-шоу. Более того, с артистическими данными Петра (если за артистические данные можно принять неуверенные подергивания ручек, ножек, подбородочка) шоуменом в Магнитке ему стать явно не светит. Уровень не тот.

Понятно, что двигает меня написание этих строк пограничное чувство любви к родному городу. Но оно подкрепляется и вот какой мыслью: вряд ли Петр Фадеев был в Магнитогорске, однако это не помешало ему нарисовать безотрадную картину прозябания гордого городка, чья вина лишь в том, что он слишком удален от Москвы. Но и вряд ли Петр Фадеев ужинал с Мелом Гибсоном или Джулией Робертс, что также не мешает ему смаковать (выходит, выдуманное?) подробности их личной жизни. И вывод, который греет меня больше всего: для настоящих звезд сам Петечка — настоящий мелкая сошка, что даже его имени они никогда не упомянут по причине того, что просто никогда не слышали. И поэтому единственное, что ему остается, — так это тешить себя надеждой, что хотя бы для «какого-нибудь Магнитогорска» он является звездой. Ан нет, и без вас, уважаемый тресни-поп, обходимся.

Виктория, город Магнитогорск.
Конкурс продолжается! Отправляйте нам письма с пометкой «Как стать брюзгой» на адрес «Комсомольской правды» или по электронной почте topach@kp.ru

Леонид Парфенов: Бояться молодой телевизионной шпаны как-то не приходится

Три дня подряд НТВ будет показывать «Историю российской империи». Название выглядело бы пугающе, не будь автором Леонид Парфенов. После «Живого Пушкина» зритель в его исполнении станет, похоже, смелее, хоть даже про палеолит с неолитом. Отдав новому проекту Парфенова вечерний прайм-тайм, НТВ ничем не рискует. «Историю: российской империи» снимали весь 2000 год. Построили в Москве ледяной дом, как при Анне Иоанновне, мерили сантиметром платья Елизаветы Петровны на предмет 90 — 60 — 90, переполошили глухую русскую деревню Кандеевка, где циркулем в сажене величиной определяли величину послереформенных надевов.

Автор проекта в ледяном доме. Дом построили совсем как при Анне Иоанновне, только без крыши — мороз был слабават.

В не менее глухой французской провинции Парфенов собственноручно отчищал замшелый столб, на котором обнаружилась надпись по-русски: «От Мобежа 85 верст». Верстовой столб, показывающий расстояние от городка — штаба оккупантов, появился там после победы над Наполеоном. Где именно он находится, никто толком не знал.

— Это фермерская глубинка, и там ни по-каковски не говорят, кроме как по-французски. Уже смеркалось, мы опаздывали, а вокруг только испуганные крестьянские тетки, которые не понимают, о чем их спрашивают. Я звонил оттуда в Москву нашему консультанту, он говорит по-французски. Представляете: два идиота выскакивают из машины, бегут за тетками в поле, размахивают телефоном, с помощью пяти английских слов объясняют: вот, послушайте, вам там сейчас скажут, чего мы хотим, а вы ему ответьте, а он потом нам объяснит, что вы сказали.

(Продолжение интервью с Леонидом Парфеновым читайте на 16-й стр.)

Павел Шеремет решил взбудоражить общество

8 ноября на первом канале — премьера его фильма «Дикая охота»

Павел Шеремет закончил съемки документального фильма «Дикая охота» — о поисках оператора ОРТ Дмитрия Завадского. Он пропал в аэропорту Минска в июле этого года. По этому поводу канал довольно долго хранил молчание — таков был договор ОРТ с президентом Белоруссии. Страсти не раздувались, чтобы дать возможность спокойно работать следствию. Однако ж следствие ни к чему не пришло, и первый канал решил нарушить обет молчания.

Окончательного ответа на вопрос, что случилось с Завадским, ни у Шеремета, ни у кого другого в телекомпании нет. Зато есть интересные факты о том, как велись поиски. О них-то и пойдет речь в «Дикой охоте».

◆ Белорусская прокуратура опросила практически всех, кто имел хоть какое-либо отношение к Завадскому, — от гендиректора ОРТ до технического персонала. У канала были изъяты документы в большом количестве и даже автомобиль белорусского бюро канала. При этом руководство ОРТ не подпустило к следственным материалам на пушечный выстрел.

◆ По словам Шеремета, в Белоруссии съемочной группе «Дикой охоты» приходилось тяжелее, чем в Чечне. «Службы постоянно вели за нами слежку, на каждом шагу проверялись документы, нам запрещали снимать абсолютно все. Нас не пустили даже в школу, где учится сын Дмитрия Завадского, заявив, что мы травмируем ребенка, и потребовали разрешение на съемку от министра образования».

◆ В фильме не будет ни одного прямого комментария кого-либо из белорусских чиновников. Все они категорически отказывались общаться со съемочной группой.

◆ Во время розыска Завадского на ОРТ было много звонков, в том числе и от анонима, который потребовал за свою информацию две с половиной тысячи долларов. Вовремя оповещенный РУБОП вычислил звонившего и задержал его. Человек оказался обыкновенным мошенником.

◆ Шеремету вроде бы удалось выяснить, кто причастен к пропаже Завадского. Но по соображениям политического характера далеко не все факты будут обнародованы. Правда, автор фильма считает, что у зрителя и без того будет достаточно впечатлений: «Наш фильм об ужасе, который переживают люди, когда исчезают их родные и близкие. Мы хотим взбудоражить общество и белорусские власти».

Илья ОГНЕВ.

Павел Шеремет и Дмитрий Завадский. Давняя чеченская командировка.

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ
ЧЕЧЕНСКИХ
РЕПУБЛИК

10-102

КП Москва (прил. к Ком. правде) - 2000 - 3 нояб. - с. 16-16

Леонид ПАРФЕНОВ:

Бояться молодой телевизионной шпаны как-то не приходится

(Окончание. Начало на стр. 15)

- Для зрителя вы давно уже человек, который все про все знает. Вы и про российскую империю все знаете?

- Во-первых, я, конечно, знаю не все. Но что-то знаю. Во-вторых, мало что об этом знает зритель. В большинстве своем он вряд ли сможет сказать, Анна Иоановна - это до Елизаветы Петровны или после. Есть у меня даже такое подозрение, что многие вообще не помнят, кто это такие.

- Теперь запомнят?

- Все, что я могу, - это убедить себя в том, что мне удалось прыгнуть выше головы. Очень важно поехать куда-то и потрогать историю собственными руками. Найти те деревни, из которых были мужики, описанные Некрасовым в «Кому на Руси жить хорошо». Сестра в Польше в такой поезд, чтобы можно было показать польские раздолья. Поехать в особняк Огинских в Петербурге, чтобы объяснить про самую известную польскую мелодию, которую мы называем «Полонез Огиньского», хотя на самом деле это «Прощание с Родиною». Ведь уже двести лет этот «ми ре-диез ми фа ми до до си ля» разучивают все чувствительные души империи.

- В вашем фильме о Хазанове, помоему, был даже перебор с «прикасаением к истории». Вы снимали во стольких местах, будто на рекорд шли. Как-то была необходимость снимать Хазанова, скажем, в сауне?

- Знаете, в таких случаях лучше перебить, чем недобить. Еще никто не жаловался: «Уж очень у них разнообразная картинка». Хазанов в сауне, который объясняет, как он решил, что костюмов нет, и начал носить смокинг, - по-моему, здесь все логично. И на рекорд мы не шли. Я вообще за то, чтобы не было ощущения, что вот так трудились, так упреки, - хорошо, что экран все-таки не передает запах.

- То, что вас почти не было в кадре, выглядело непривычно.

- Меня об этом часто спрашивали коллеги, работающие в кадре и не представляющие себя в ситуации, где их в кадре нет. Но спрашивали не прямо. Примерно на третьем вопросе я чувствовал какой-то подтекст, и только потом сообразил, что имелось в виду. «Как же так, старик, себя, родного, не показывать? Снимать что-то, не снимая себя?! Ты же мог войти в кадр!»

- И ведь могли же.

- Да мне это как-то даже в голову не приходило. Это была история не от моего лица. Работа за кадром - хорошее дело. Я даже изредка делаю материалы для «Итогов».

- Для разнообразия?

- Меня Киселев просит. Было, ска-

У нас с братом большая разница в возрасте. Мы выросли практически порознь. Я уехал из Череповца, когда он был в третьем классе, - тогда казалось, это огромная разница. Во время недавних съемок в Питере я оказался на его дне рождения - впервые за лет, наверное, пятнадцать. Как-то мы никогда не оказывались вместе в этот день.

жем, 200-летие Пушкина. Смешно же, имея «телепушкиниста» в штате компании, заставлять снимать про Пушкина кого-то другого. Я себя все равно считаю прежде всего журналистом.

- Это после того, как вы побывали главным продюсером НТВ?

- Я и раньше догадывался, что журналист - это высшая форма карьеры, а теперь несокрушимо в этом уверен.

- Большинство из тех, кто сейчас успешен на ТВ, - ваши ровесники, в районе сорока. Это такое поколение особенное или просто «девушка созрела»?

- Ну, созрела она десять лет назад, теперь уже перезревшая, стало быть. Почему это поколение появилось тогда, я понимаю, - в геологическом разломе всегда чего-то появляется. Но я не очень понимаю, почему этого потом не случилось. Есть новые люди, но не с таким, как у нас тогда, желанием сказать: «Это мы, и мы сейчас все сделаем по-другому».

- На НТВ есть корреспондент, которого называют «клонированным Парфеновым». Как вы относитесь к клонированию себя?

- Я не буду делать вид, что не знаю, о ком идет речь. Интонационно - возможно, да, но тематически Леша Пивоваров давно уже не занимается тем, чем я. Он действительно работал в «Намедни» и, поскольку пришел к нам, кажется, 18-летним, здесь немало научился. Но, по-моему, мы со-

многими на НТВ находимся в одной интонации. С Борей Кольцовым, с Лешей Кундуловым, с Алимом Юсуповым. Такая общая гуманитарная спокойная интонация.

- Вы не думали взяться за эпохалку про телевидение?

- А это не есть моя биография. Я все-таки родился позже, чем появилось телевидение, и еще позже оно появилось у нас дома. Я хорошо помню время, когда у нас не было телевизора. Он появился году в 67-м, а в какой-то момент у нас было целых два телевизора...

- Это в то время?

- Подождите удивляться, сейчас скажу, какие. Нам отдали свои телевизоры дедушка с бабушкой и соседи со старой квартиры, потому что они купили новые, а эти не подлежали ремонту. Один показывал картинку, а из другого шел звук. Тогда это было очень странно: оба телевизора стояли в одном уг-

Раньше на улицах снимать было сложнее. Теперь уже привыкли и не особенно показывают пальцем. Раз это тот самый чудик, который все время что-то такое делает, значит, удивляться нечему. Наверное, так ему и положено.

канонизация Николая II, три дня без башни, Акунин. Уже можно это вспоминать.

- Вы Акунина читаете?

- Я прочитал только «Коронацию» и частично «Турецкий гамбит», но, знаете, меня почему-то никогда не захватывали детективы. Мне «не страшно», не увлекательно. И я совсем почти перестал читать художественную прозу. «Силантий перевернулся с боку на бок. Жалобно застонали пружины дивана. Больше всего ему не хватало человеческого участия». Ну не понимаю я, зачем мне вот это читать.

- У вас действительно такая фантастическая память, как об этом все говорят?

- Цитирую. Михаил Жванецкий: «Ничего я не помню, я забыть не могу». Я искренне не понимаю, когда меня спрашивают, как это я помню,

что был, например, хулахуп. Я не понимаю, как можно не помнить хулахупа.

- Я имею в виду то, что называется запоминанием...

- Ну я действительно не пользуюсь телесуфлером. Во-первых, я близорук, во-вторых, мне так проще. Ведь очень много натуральных съемок. Если я две минуты иду по Невскому и что-то должен говорить, передо мной же суфлер не поедет.

- Когда вы идете по Невскому, а кругом люди и пальцем показывают, вам это мешает?

- Главное - не обращать внимания. Нельзя озираться по сторонам, потому что в кадре не видно то, что за кадром. Всегда бывает немного неловко. Вот недавно снимали на железнодорожной платформе в Павловске. Люди соответствующие, они вышли вечером, с пивком «Балтика» девятый номер, а ты приезжаешь дуриком таким, чист, как только что из ванной, и должен объяснять, как здесь десять сезонов подряд так платили Штраусу, что его никто не мог перекупить. А самое главное, дойдя до края платформы, еще и навести «Сказки Венского леса». К этому нельзя привыкнуть.

- Когда ваш проект, если он имеет отношение к литературе или истории, разносят в пух и прах матерые специалисты, вы обижаетесь?

- Чего только я не наслушался по поводу «Пушкина». Как будто мы пушкинисты. Как будто мы снимали для того, чтобы литературоведы из серьезных журналов делали на нас ссылки, - а ведь делают. Мы же отбираем факты по принципу, извините, телегеничности. Мы не наука. Алле, мы не Пушкинский дом! Мы телевидение всего-навсего.

Каждая собачка тявкает таким голосом, который Господь дал. Я много раз сталкивался с тем, что, как только ТВ хоть полшага делает в сторону от того, что считается забубенным телевидением, тут же смежные специалисты говорят: со свиным рылом в калашный ряд. Да не в калашный ряд. Мы в своем же свином ряду, просто у нас там есть рульки, пятки, хвостики и ушки. Мы не претендуем на большее, чем телевидение. Но, правда, не претендуем и на меньшее.

Лариса ХАВКИНА.

У меня нет ощущения, что мое поколение раздвинуло локти и так уж страшно держит монополию на телевидении. Я что-то все не вижу, «где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли». Есть молодые, но они и шпана. Бояться их как-то не приходится.

нять, завидую ли я Диброву... Нет, не завидую. Просто у меня есть потребность в таком проекте. Я могу общаться, я умею брать интервью, я нормальный и, смею надеяться, живой и веселый. И все это мне не чуждо.

- Вы сейчас делаете серию «Намедни-2000». Этот год уже успел стать историей?

- Мне кажется, что на какие-то вещи мы уже смотрим, как на историю. Что вроде как это не с нами было. То есть с нами, но мы уже другие. Алсу и Земфира, падение «Конкорда», взрыв под Пушкинской площадью, «Брат-2», русские песни во Львове,